

УДК 314.7(470:519.5)"1990/200"

Тен В.А.*Московский государственный областной университет***МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ И СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ
В РЕСПУБЛИКУ КОРЕЯ В 1990-е – 2000-е гг.**

Аннотация. В статье рассматриваются параметры и особенности легальной миграции из России и стран Средней Азии в Южную Корею в конце XX – начале XXI вв. Показаны динамика миграционных потоков из различных стран региона, относящихся к временной, хотя и долгосрочной, трудовой миграции, регулируемой межправительственными соглашениями для восполнения нехватки в РК дешевой неквалифицированной рабочей силы. Отмечается специфика трудовой миграции из РФ, включающая также категорию высококвалифицированных ученых и специалистов IT-технологий. Автор констатирует, что, несмотря на стабильное развитие трудовой миграции из Средней Азии в РК, приоритетным её направлением остается Россия.

Ключевые слова: трудовая миграция, легальные мигранты, миграционная статистика, СНГ, Республика Корея, Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия.

V. Ten*Moscow State Regional University***MIGRATION FROM RUSSIA AND COUNTRIES OF CENTRAL ASIA
INTO THE REPUBLIC OF KOREA IN THE 1990-S – 2000-S**

Abstract. The article considers the characteristics and specifics of legal migration from Russia and the countries of Central Asia to South Korea in the late XX – early XXI centuries. The author shows the dynamics of the migration flows from several countries of the region into the Republic of Korea which belong to temporary (though long-term) kind of labor migration. These flows are regulated through intergovernmental agreements to meet shortfalls of cheap unskilled labor in the Republic of Korea. This paper analyzes the features of labor migration from Russia, which also includes the category of highly qualified scientists and IT experts. The author notes that, despite the stable development of labor migration from Central Asia into the Republic of Korea, Russia remains its priority-driven direction.

Key words: labor migration, legal migrants, migration statistics, CIS, the Republic of Korea, Russia, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

Уже четверть века стабильно развиваются разносторонние связи между Российской Федерацией и Республикой Корея. Укрепляется торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество, успешно растет обмен туристами. С 1 января 2014 г.

© Тен В.А., 2014.

действует безвизовый режим для туристов обеих стран. Происходит также расширение связей между Республикой Корея и Казахстаном и другими центральноазиатскими странами СНГ. Одним из направлений сотрудничества является привлечение иностранных рабочих в экономику Южной Ко-

реи. В нашей статье предпринимается попытка выяснить размеры и особенности легальной трудовой миграции в РК из России и постсоветских республик Средней Азии.

В течение последних 25 лет население Южной Кореи растет очень медленными темпами. В 1980 г. численность населения страны равнялась 37,4 млн. человек, 1990 г. – 40,4 млн., 2000 г. – 46,1 млн. и 2010 г. – 48,5 млн. человек. Резкое снижение основных показателей естественного движения населения наблюдается с 1990 г. В стране идет быстрый процесс старения населения на фоне низкого уровня рождаемости. Если в 1970 г. на одну женщину в среднем приходилось по 4,53 ребенка, то в 2010 г. – только 1,23. Ожидаемая средняя продолжительность жизни составляла в 1970 г. 62 года, в 1990 г. – 72 года и в 2010 г. достигла уровня развитых стран – 80,5 года. Поэтому весьма серьезной проблемой для Южной Кореи становится непрерывное уменьшение трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет. «Население Кореи достигнет своего максимума 49,34 млн. человек в 2018 году, после чего оно начнет сокращаться.... [и] может снизиться до 42,34 млн. – к 2050 г., а в 2100 г. – составить всего 16,21 млн. человек» [15].

В этих демографических условиях правительство Республики Корея проводит активную миграционную политику, особенно поощряя трудовую миграцию из-за рубежа. С начала XXI в., за исключением 2005 г. и 2009 г., ежегодно наблюдается положительный для РК баланс въезда и выезда из страны: миграционный приток составлял, например, в 2000 г. – 84 тыс. человек, 2001 г. – 55 тыс. чел., 2007 г. – 148 тыс. чел., 2010 г. – 97 тыс. человек [13].

Постоянное присутствие иностранных рабочих стало заметным в Южной Корее в 1980-е гг., и их численность быстро увеличивалась в 1990-е гг. В 2000-е гг. трудовая миграция в Южную Корею продолжала нарастать. В 2003 г. в Южной Корее работало 438 тыс. иностранцев, почти 1 % от 45-миллионного населения страны. Но в эти данные не включены нелегальные иностранные рабочие, число которых выросло с 100 тыс. чел. в 1998 г. до 289 тыс. в 2002 г. Нелегально работающие иностранцы составляли от 70% до 80 % всей иностранной рабочей силы в Южной Корее [18]. В апреле 2007 г. в Южной Корее работали примерно 500 тысяч иностранцев, тем не менее имелись вакантные рабочие места [19]. По переписи населения 2010 г. в Республике Корея было зарегистрировано почти 919 тыс. легально живущих иностранных граждан [4].

Увеличение потока рабочих-мигрантов идет в первую очередь за счет трудовой миграции из КНР (в т. ч. китайских корейцев), а также Филиппин, Таиланда, Шри-Ланки, Индонезии, Вьетнама и Монголии. Еще до середины 2000-х гг. во время быстрого экономического роста Республика Корея подписала соглашения о найме рабочих с 8 странами, а к 2008 г. таких межправительственных соглашений стало 15. В течение более 20 лет какой-либо из стран СНГ входит в первую десятку государств по числу мигрантов, въезжающих в РК по долгосрочным визам (более 90 дней): 2004 г. – РФ на 7-м месте с 7 тыс. въездов, (в т.ч. 1 тыс. российских корейцев), 2005 г. – РФ на 9 месте с 6 тыс. (в т.ч. 1 тыс. российских корейцев), в 2006 г. – РФ на 10 месте с 5 тыс. (в т.ч. 0,4 тыс. российских

корейцев). Затем число долгосрочных мигрантов из России значительно сокращается и в первую десятку стран доноров входит Узбекистан: 2007 г. – 10 место и 5 тыс. въездов, 2008 г. – 5 место с 9 тыс. въездов, 2009 г. – 4-е с 4 тыс. въездов, 2010 г. – 4 место с 9 тыс. въездов долгосрочных мигрантов [14]. Отметим в скобках, что миграция в РК из Таджикистана была и остается весьма малочисленной, а из Туркмении практически отсутствует. Так, 2008 г. в Южной Корее были зарегистрированы как иностранные резиденты 15 тыс. граждан Узбекистана, 14 тыс. граждан Казахстана, Киргизии – 1 тыс. чел. и только 45 граждан Таджикистана [16, р. 484].

В общем объеме трудовой миграции в Республику Корея Российская Федерация не занимает значимого места. По данным Росстата о международной миграции, из России выбыло в страны дальнего зарубежья за 1997–2008 гг. 513 тыс. человек, или в среднем примерно 43 тыс. человек в год. Численность выехавших из России в Южную Корею за этот же период составила 2338 человек, или примерно 195 человек ежегодно [6]. Нетто-миграция (чистый отток мигрантов) из РФ в РК за те же годы равняется, согласно Росстату, всего 1108 человек. Но согласно сведениям Статистического управления РК за пятилетний период (2000–2003 гг.), чистая миграция из России в Южную Корею составила 9 744 чел., то есть почти в 9 раз больше. Поэтому оценки размеров миграции из РФ в РК противоречивы и колеблются в пределах от 10–15 тыс. до 50 тыс. человек. Так, в 1995 г. русскоязычная газета «Сеульский вестник» писала о 5 тыс. выходцев из СССР в Южной Корее. В

2011 г. журналистка Лидия Огорокова написала о «Маленькой России», расположенной в центре Сеула, назвав её «домом для ... 50 000 русских или русскоговорящих» [17].

Правда, последние цифры представляются значительно завышенными. Согласно российским источникам, нетто-миграция из РФ в РК за 1997–2008 гг. составила минус (-) 1108 человек, а за период с 2009 по 2013 гг. – плюс (+) 748 человек. За период 1997 – 2013 гг. число выездов из РФ в Южную Корею меньше выездов из РК в РФ на 794 единицы, то есть общий баланс положительный для России [подсчитано автором по данным Росстата [6].

По данным иммиграционной службы Республики Корея прослеживается следующая динамика нетто-миграции из России в Южную Корею в первое десятилетие XXI в.: 2000 г. – 3020 чел.; 2001 - 2128 чел.; 2002 - 2975 чел.; 2003 – 1621 человек, а в период 2004-2009 гг. Россия не входила в первую пятерку стран по численности net-migration в РК [подсчитано авт. по: 14].

О наличии в РК значительной русскоязычной группы трудовых мигрантов свидетельствует существование двух газет (малотиражных) на русском языке и довольно активное интернет-общение русскоязычных жителей Южной Кореи, особенно русских специалистов, работающих в научно-исследовательских отделах корейских корпораций, в том числе «Самсунг» и «Дэу». В газетах Сеула и Пусана иногда также встречаются упоминания о наших нынешних и бывших согражданах. Изучение различных русскоязычных материалов интернет-сайтов позволило автору получить сведения о примерно ста выходцах из России (в

т.ч. этнических русских), работавших в Южной Корее в 2000-е гг. Большинство из них (более 70 человек) – научно-технические специалисты и инженеры, около десяти человек работают преподавателями русского языка и литературы в южнокорейских университетах, еще несколько человек – журналисты и дипломированные артисты.

Минимальную численность российских мигрантов в Южной Корее можно определить в 5 тыс. человек. Так, на русскоязычном сайте «Russian Korea» было зафиксировано в качестве пользователей 4702 человека (на 2-е октября 2011 г.) [11]. Примерно так же оценивает числа россиян, длительно проживающих в Южной Корее, российский дипломат Г.А. Ивашенцов, работавший в Сеуле в 2005- 2009 гг.: «три – четыре тысячи» человек, включая около «тысячи россиянок замужем за южнокорейцами» [3, с. 8].

В настоящее время Россия не является значимым источником трудовой миграции для Южной Кореи, а тем более страной-донором, граждане которой эмигрируют в РК на постоянное жительство. Тем не менее, обе страны активно участвуют в расширении научно-технического сотрудничества и обмена приглашаемыми специалистами высшей квалификации как по индивидуальным договорам, так и соглашениям разного уровня.

Однако довольно распространено мнение о присутствии многочисленных русских мигрантов в Южной Корее, отражающееся в появлении в Сеуле «Русской улицы» и в Пусане «русского квартала». Но, как отметил бывший посол РФ в Сеуле Г.А. Ивашенцов, «южнокорейцы на бытовом уровне за русских считают всех вы-

ходцев из СНГ». В подтверждение он ссылается на опубликованный в одном южнокорейском женском журнале репортаж из «русского» квартала Сеула, автор которого писала: «Никогда ранее не думала, что у большинства русских азиатская внешность...». Г.А. Ивашенцов делает очень точное и важное для целей данной статьи замечание: «она была абсолютно права в отношении большинства обитателей» «русских кварталов» Сеула и Пусана. Он указывает, что ошибка журналистки вызвана тем, что вывески магазинов и ресторанов на этой улице написаны кириллицей. О действительной национальной (этнической) принадлежности их владельцев и посетителей можно судить по названиям многих из них: «Самарканд», «Ала-тоо» [3, с. 8].

Действительно, для трех из пяти бывших советских республик Средней Азии существует большая взаимная потребность в трудовой миграции в Южную Корею. Эксперты отмечают, что Республика Корея (как и Казахстан) стремится увеличить приток трудовых мигрантов, а такие страны, как Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан заинтересованы в увеличении эмиграции из своих стран [12]. Неудивительно, что согласно переписи населения Южной Кореи граждане Узбекистана (8 567чел., включая русскоязычных этнических корейцев) составляют 4-ю группу иностранных резидентов в Южной Корее, правда, в 17 раз меньше численности граждан Китая (155 252чел.) в РК [4].

Правительство РК, подписывая межправительственные соглашения с другими странами об экспорте трудовых ресурсов в Корею, стремилось регулировать притоки иностранной

рабочей силы, особенно неквалифицированной. Одновременно членам семей таких рабочих въезд в Южную Корею не разрешался с целью не допустить превращения временных рабочих-мигрантов в иммигрантов, могущих претендовать на постоянное жительство в стране, а в перспективе – и на гражданство Республики Кореи. [18].

Сейчас в Южной Корее действуют такие системы найма иностранных работников, которые способствуют въезду именно малоквалифицированных иностранных рабочих. Образованные и квалифицированные работники, включая ученых-исследователей (в том числе российских), преподавателей иностранных языков и эстрадных артистов, тоже приглашаются в Южную Корею на временную работу и проживание. Но основной массой трудовых мигрантов остаются временные рабочие на нижних уровнях экономики. По-прежнему они могут получить работу главным образом на небольших заводах по производству чугуна, ковке, термической обработке и окраске металлоизделий, производству пластмасс, на красильных и отделочных работах. С середины 1990-х гг. они также работают в строительстве и на предприятиях общественного питания, а также на сезонных работах в сельском хозяйстве. Важным следствием миграционных процессов в Южной Корее является то, что миграция из РК приводит к ослаблению качества её человеческих ресурсов. Взамен она получает приток, главным образом, неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих.

С началом мирового кризиса 2008-2009 гг. Министерство труда Респу-

блики Корея решило втрое сократить квоту на приглашение иностранных рабочих. В 2008 г. за границей по системе разрешений на трудоустройство и гостевой рабочей визе планировалось набрать не более 34 тысяч рабочих, тогда как предыдущем году квота составляла 100 тысяч человек. Свое решение Министерство труда РК мотивировало необходимостью в условиях кризиса «увеличивать занятость среди корейских граждан, а также желанием помочь тем иностранным рабочим, которые уже трудятся в Корее» [7]. По сферам занятости общая квота легальной трудовой миграции 2008 г. распределялась следующим образом: в промышленности – 23 тыс. человек, в сфере услуг – 6 тыс., в строительстве – 2 тыс., в сельском хозяйстве – 2 тыс., и в рыболовстве – 1 тыс. человек. Число виз в разных отраслях распределено между зарубежными этническими корейцами и другими иностранными рабочими по-разному. В промышленности и сельском хозяйстве распределение относительно равномерное, в строительстве получают разрешение работать только обладатели общей трудовой визы. Но в сферу услуг, наоборот, набираются почти исключительно этнические корейцы, за которыми резервированы 5900 мест из 6000 [7].

В последнее десятилетие поток мигрантов из республик Средней Азии в Южную Корею подвержен существенным колебаниям. На 2006 г. среди стран-поставщиков неквалифицированной рабочей силы были Узбекистан (7 тыс. чел.), Казахстан (4,5 тыс. чел.) и Киргизия (около 3,0 тыс.). По данным миграционной службы Киргизии 2006 г., количество кыргызстанцев, работающих в Южной Корее, составляла

около 3 тыс. человек, и половина из них работали нелегально [8]. В 2007 г. мигранты-рабочие из Средней Азии уже не соглашались уезжать на заработки, если заграничные работодатели будут платить им меньше 1 тысячи долларов в месяц. Именно по этой причине, считал заместитель председателя госкомитета по миграции и занятости Киргизии Досмир Узбеков, не удалось набрать нужное (5 тыс. чел., 2007 г.) количество желающих работать в Южной Корее [5].

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. повлек за собой изменения в иммиграционной политике РК, усилившей ограничения квот трудовых мигрантов и противодействие нелегальной иностранной рабочей силе. Об этом свидетельствуют наши подсчеты нетто-иммиграции в Южную Корею из Средней Азии за 2000–2009 гг.: 2000 г. – + 3100 чел. из Узбекистана; 2001 г. – + 920 чел. из Узбекистана; 2003 г. – + 3312 чел. из Узбекистана + 1386 чел. из Казахстана, итого 4696 чел., включая 1075 русскоязычных этнических корейцев. В последующие годы приток мигрантов из Казахстана резко сократился, а нетто-миграция из Узбекистана ежегодно возрастала до 4 тыс. чел. в течение 2008–2010 гг. [подсчитано авт. по: 14].

Набор трудовых мигрантов, организованный по межправительственным соглашениям, имеет ряд преимуществ для обеих сторон. Увеличивается доля легальной иностранной рабочей силы, возрастают поступления в казну и облегчается борьба с нелегальной миграцией. Кроме того, создаются минимальные условия для адаптации трудовых мигрантов в Республике Корея. В 2007 г. между Ко-

реей и Кыргызстаном был подписан межправительственный Меморандум. «На родине киргизские рабочие в течение нескольких месяцев изучали азы корейского языка и получали необходимые знания о Корее. После сдачи экзамена на знание корейского языка и медицинского обследования был заключен контракт с работодателями», по которому во время работы в Корее кыргызстанский рабочий получил равные трудовые права с местным работником, включая право на социальные, медицинские пособия [7]. При этом средняя заработная плата легального иностранного рабочего в Корее должна составлять \$1100–1200 в месяц [1].

Многие мигранты из Узбекистана прибывали в Южную Корею через Агентство внешней трудовой миграции при Министерстве труда Узбекистана по соглашению с РК. За 1995–2003 гг. в Южную Корею было направлено 15 400 граждан Узбекистана (в основном мужчин), отбираемых по конкурсу. Среди них узбеки составляли 82%, а на долю этнических корейцев приходилось 15% (2310 чел.). Начиная с 2005 г. узбекистанским корейцам была предоставлена дополнительная квота в 500 чел. [10, с. 40].

Распространение на Узбекистан программы по выдаче пятилетней визы для этнических корейцев положило начало созданию более цивилизованного, а главное, контролируемого рынка рабочей силы из Узбекистана. Но при этом возникали и неожиданные трудности с набором рабочих-мигрантов. В 2007 г. для корейцев из Узбекистана была выделена квота в размере 4020 чел. Но одновременно было принято решение об экзамене по корейскому языку для корейцев

Узбекистана, как правило, русскоязычных. Этот экзамен сдавали только желающие работать в Южной Корее этнические корейцы из Узбекистана и из Китая. Мигранты из других страны СНГ, которым по аналогичным соглашениям были выделены квоты, этого экзамена не сдавали. Поэтому произошел недобор по квоте [9, с. 73]. В 2008 г. квота на визы трудовых мигрантов из Узбекистана была сокращена до 2711 чел., а экзамен на знание корейского языка не проводился. Но из-за огромного количества желающих получить 5-летнюю рабочую визу с 2009 г. введена новая система компьютерного отбора. В 2009 г. по этой визе в Корею выехало 2 470 корейцев-граждан Узбекистана [9, с. 74].

Очевидно, что власти Южной Кореи хотели бы использовать трудовой потенциал русскоязычных этнических корейцев стран СНГ. Однако по объективным причинам реализовать эту идею затруднительно, в том числе и по лингвокультурной ассимиляции советских корейцев с русским народом. Отметим в этой связи, что за 2000–2007 гг. в Россию переселились более 15 тыс. корейцев из Казахстана и Средней Азии, то есть в 3–5 раз больше их представленности среди среднеазиатских трудовых мигрантов и резидентов в Южной Корее.

Большое влияние на трудовую миграцию из стран Средней Азии в Южную Корею оказывает рынок рабочей силы в нашей стране. Россия была и остается приоритетным направлением миграции коренного населения из стран Средней Азии. Ежегодный миграционный приток населения Российской Федерации из трех централь-

ноазиатских республик находился в период 2000–2012 гг. в следующих пределах: из Узбекистана – от 23 тыс. до 62 тыс. человек, из Киргизии – от 13,7 тыс. до 40,5 тыс. чел., из Казахстана – от 107 тыс. до 20,5 тыс. чел. [подсчитано авт. по: 2]. Учитывая, что миграция из Узбекистана и Киргизии в Россию имеет преимущественно временный и трудовой характер и, следовательно, поэтому может быть по этим признакам сравнима с трудовой миграцией из этих двух стран в Южную Корею, их показатели нетто-миграции в РФ многократно (в 6–9 раз) больше ежегодных квот Республики Корея на рабочие визы для мигрантов из Средней Азии (от 2,5 тыс. до 9 тыс. чел.), особенно если учитывать проблему их полного заполнения.

Таким образом, на протяжении 1990-х – 2000-х гг. из Узбекистана и Киргизии наблюдалась стабильная трудовая миграция, обеспечивавшая нужду предприятий корейской экономики в неквалифицированной рабочей силе. Республика Корея стремилась контролировать и регулировать миграционные потоки, особенно сокращать незаконную трудовую занятость иностранных рабочих, в том числе через межправительственные соглашения с основными странами-поставщиками рабочей силы. В свою очередь, страны Средней Азии гарантированно получали значительные (например, Киргизия до 25 млн. долларов год) валютные поступления. Трудовая миграция из Российской Федерации, а затем и Казахстана в течение 1990-х – 2000-х гг. значительно сократилась, в том числе и из-за уменьшения интереса русскоязычных этнических корейцев к работе в Южной Корее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Власти Южной Кореи уравнивали киргизских мигрантов в правах с местными рабочими // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferghana.ru/news.php?id=8545> (дата обращения: 19.09.2013).
2. Демографический ежегодник России. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 10.11.2014)
3. Ивашенцов Глеб. Русская Корея // Российские корейцы. – 2012. – Апрель. – № 140.
4. Ким Н.Н. Демографическая ситуация в Южной Корее по результатам переписей населения 2005, 2010 гг. // [Электронный ресурс]. URL: <http://ivran.ru/publications/sci-works/228> (дата обращения: 09.09.2013)
5. Российская газета // Права человек в СНГ и Балтии. – 2007. – Сентябрь. – Бюллетень № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrights.ru/sng/sng-bul7.htm> (дата обращения: 05.07.2014).
6. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. Международная миграция 1997-2013 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.09.2014).
7. Сеульский вестник. – 2009. – 26 марта. – № 155793.
8. Солтоева Анара. О трудовой миграции из Киргизии в Корею // Вечерний Бишкек. – 2007. – 3 апреля.
9. Тен М.Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Известия корееведения в Центральной Азии. Алматы. – Вып. 8 (16). – 2009. – С. 61–77.
10. Тен М.Д. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Общественное мнение. Права человека. Ташкент. – 2008. – № 3 (43). – С. 39–44.
11. Форум «Russian Korea». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiankorea.com/forum/index.php> (дата обращения: 13.10.2014).
12. Щербакова Е. Международная миграция и миграционная политика. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/mezhdunarodnaja_migracija_i_migracionnaja_politika_2014-07-03.htm (дата обращения: 29.10.2014).
13. Annual Report on the International Migration Statistics. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/english/news/1/22/3/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=273380&pageNo=5&rowNum=10&navCount=10&currPg=&sTarget=title&sTxt=> (дата обращения: 18.10.2014).
14. Annual Report on the International Migration Statistics. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/english/news/1/8/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=66252&pageNo=11&rowNum=10&navCount=10&currPg=&sTarget=title&sTxt=> (дата обращения: 12.03.2009).
15. Kim Dong-seop «Warning from Korea's Population Clock», The Chosun Ilbo, September 23, 2008 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/Economy/view.asp?volume_id=77&content_id=102192&category=B (дата обращения: 15.10.2008).
16. Korean Immigration Service Statistics. Ministry of Justice 2008, 784 p.
17. Okorokova Lidia. Korea with a Russian accent. [Электронный ресурс]. URL: <http://themoscownews.com/blogs/20110809/188912902.html> (дата обращения: 07.12.2011).
18. Park Young-bum “South Korea: Balancing Labor Demand with Strict Controls”. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?id=272> (дата обращения: 29.05.2010).
19. South Korea on the look out for skilled workers. 30 April 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.workpermit.com/news/2007-04-30/south_korea/south-korea-looking-for-skilled-workers.htm (дата обращения: 15.01.2008).